

**ЮРИДИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДНЕВОЛЖСКИХ УДЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ  
ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА  
В 80-90-х ГОДАХ XIX ВЕКА**

*Работа представлена кафедрой истории Тольяттинского государственного университета.  
Научный руководитель - кандидат исторических наук, доцент И. П. Плеханов*

В статье анализируется процесс изменения аграрного законодательства по вопросу арендных отношений в удельных хозяйствах. При этом выделяются два подхода к решению экономических задач по увеличению доходности землепользования. Первый определяется введением новых статей в основные юридические документы удельного ведомства, второй - созданием правил об использовании удельных зерновых складов. Выводы опираются на региональные статистические данные и материалы текущих архивов регионов Среднего Поволжья.

Rent relations in the imperial agrarian legislation are analysed in the article. The author considers the two approaches to solving economic tasks in the imperial economy of Volga regions. The first one is determined by introducing new juridical articles, the second one is characterized by creating rules on usage of grain storehouses. The conclusions are based on the regional statistical data and current archival materials of Volga regions.

Осуществленная в 1863 г. реформа по освобождению удельных крестьян вела, помимо изменения политического статуса земледельца, к пересмотру всей его эко-

комической деятельности, включая и арендные отношения, которые начинают играть одну из важных ролей в получении удельного капитала. В условиях малоземелья крестьян это позволяло, с одной стороны, проводить завышенную ценовую политику, а с другой -- давало возможность администрации удельных хозяйств привлекать более состоятельных людей. Все эти нововведения не могли обойтись без пересмотра удельных юридических актов. Не случайно поэтому в течение первых пореформенных десятилетий Департаментом уделов нарабатывались условия и юридические нормативы для новых земельных отношений. При этом выстраиваемая политика характеризовалась и активизацией местных органов власти, выдвигавших предложения по наиболее актуальным вопросам региональной экономики. Все это делалось с одной целью - недопустить снижение объемов денежных поступлений и по возможности увеличить их.

Данная статья призвана проанализировать юридические документы уделов в области арендных отношений в пореформенный период и показать их роль в создании буржуазного законодательства по сельскому производству.

Выбор автором темы исследования обусловлен, во-первых, слабым освещением этого вопроса как в советской, так и в современной историографии, во-вторых, стремлением показать влияние законодательства на процесс формирования высокорентабельной аренды удельных угодий в Среднем Поволжье в конце XIX в.

Как известно, в 80-90-х гг. XIX в. сельское хозяйство России переживало сложный период. Связано это было с падением цен на отечественную пшеницу и рожь, вызванное поставкой дешевого американского зерна в Европу; с промышленным подъемом, что приводило к увеличению вложений капитала в индустриальную сферу; с политикой таможенного протекционизма правительства, которая крайне негативно воспринималась экспортёрами зерна. Кроме того, конец XIX в. отмечен перио-

дами неурожая, приводивших к значительному ослаблению крестьянских хозяйств<sup>1</sup>.

Подобное положение дел было присуще и удельным хозяйствам с их земледельческим укладом производства. Самым острым вопросом стало накопление к 90-м гг. XIX в. огромной суммы недоимок по арендным платежам. По сравнению с 1860-1870-ми гг., когда уделы недополучали прибыли от 62 до 181 тыс. руб. (4,20-6,93 % от общей суммы поступлений), к 1890-м гг. этот показатель составил уже 783 тыс. руб. (или 15,61%)<sup>2</sup>. Средневожские удельные хозяйства заняли в списке должников первое место. Самарская удельная контора, например, задолжала центру 148 тыс. руб., в то время как всероссийский показатель недоимок составлял 165 650 руб.<sup>3</sup> Такое неблагоприятное положение дел заставило Департамент уделов предоставить самарским удельным арендаторам рассрочку на 10 лет, что, однако, не изменило ситуации. В конце 1880-х гг. Самарская удельная контора продолжала отчитываться о недополучении арендных платежей.

Аналогичные факты прослеживаются и в Симбирской удельной конторе. Здесь только по лесным окладным статьям в 1891 г. сумма недоимок составила 1180 руб. 75 коп.<sup>4</sup> Необходимы были экстренные меры по наведению финансового порядка. Одним из направлений стала разработка новых условий арендного содержания удельных статей.

Приступая к составлению этих юридических актов, удельная администрация должна была прежде всего определить основной источник невыплат и в зависимости от результатов проверок попытаться через законы ослабить влияние этой первопричины.

По мнению удельных аграрных специалистов, финансовая задолженность была вызвана не решенными до конца экономическими проблемами бывших удельных крестьян. Это, во-первых, малоземелье крестьян, что заставляло общинников брать в аренду очень много пахотных угодий, с

обработкой которых большинство земледельцев не могло справиться. Во-вторых, отсутствие у крестьян необходимого числа скота, инвентаря. И наконец, в-третьих, полная безграмотность отдельных арендаторов в вопросе научного ведения сельского хозяйства<sup>5</sup>.

В отчетах местных органов удельной власти указывались также и другие причины. На одну из них власть особо обращала внимание. Касалось это экономической дисциплины арендаторов, без которой трудно было решить проблему неплатежей. И именно с нее стала меняться юридическая база удельного законодательства по арендным отношениям.

Прежде всего вводился новый срок взимания денежного оброка: сумму вносить теперь полагалось в марте и сентябре. Здесь арендаторам предоставлялась определенная льгота во времени, поскольку предыдущие годы показали несостоятельность крестьянского платежа в зимний период, когда денежные расходы земледельцев шли, главным образом, на закупку топлива, корма для животных, сельскохозяйственного инвентаря, предметов крестьянского быта. Весна же позволяла арендатору, с учетом его расходов, более четко определиться с количеством снимаемой земли. Одновременно удельной администрацией оценивалась работа арендатора по предыдущему сбору урожая и платежу на предмет дальнейшего сотрудничества с ним.

Следует отметить также, что власти неуклонно придерживались (а в 1890-х гг. даже чересчур строго) пункта внесения денежного залога. Этим пытались добиться гарантий обязательного поступления денег и привлечения к аренде стабильного платежеспособного населения. Вводилось даже положение о предоставлении залога в виде ценных бумаг, но с оговоркой, что проценты по ним пойдут в фонд удела. Сама залоговая система не являлась самоцелью удельной администрации, которую необходимо было достигнуть во что бы то ни стало. Напротив, установление залога должно было в первую очередь заставить

арендатора не нарушать технологический процесс обработки земли. Отрицательной стороной вопроса о залоге для арендатора являлось то, что при желании земледельца изменить форму залога требовалось согласие удельных властей, которые могли из этой ситуации получить двойную выгоду: потребовать взамен более ценный (например, кредитные бумаги) предмет.

В добавление ко всему в правилах аренды исчезли статьи, согласно которым неплата оброчных денег могла обернуться для земледельцев полным разорением. Например, полное прекращение сотрудничества с должниками. Зато сохранились порядки по взиманию штрафа и денежных начислений (полкопейки с рубля за каждый просроченный месяц) при обязательном условии: часть месяца считать месяцем, а часть рубля - рублем. Обращает на себя внимание тот факт, что при этом сумма штрафов не менялась по сравнению с предыдущими годами. И это было прежде всего выгодно арендаторам, поскольку в помещичьих хозяйствах, например, штрафы возрастали, а в удельных землях съемщик явно экономил деньги<sup>6</sup>. Для удельной администрации выгода состояла, главным образом, в сохранении числа арендаторов и в привлечении в будущем бывших помещичьих земледельцев к своим угодьям.

Изменения коснулись и делопроизводства. Арендатору теперь разрешалось просматривать свои финансовые документы по съему земли в любое время и даже после прекращения аренды. Ранее крестьяне имели в этом вопросе только полугодовой срок, после которого получить свои бумаги становилось делом весьма проблематичным. Стала проводиться большая разъяснительная работа со съемщиками по бережному отношению к квитанциям об уплате денег, что позволяло чиновникам лучше осуществлять надлежащий контроль во избежание лишних судебных разбирательств с арендаторами и нецелевого использования денег.

Были ужесточены правила обработки арендных участков. Теперь съемщика

обязывали делить землю на три поля (раньше ограничивались двумя) с обязательным условием засеивать одно из них озимым зерном, другое — яровым, а третье оставлять под пар. На последнем поле арендатору разрешалось устраивать сенокосение и пастбу скота. Такие строгие правила были вполне объяснимы, поскольку, получая земли, некоторые арендаторы допускали серьезные нарушения в технологии зернового производства, что вело к уменьшению урожая, ослаблению плодородия пахотных плантаций.

Кроме того, в прежние годы были выявлены факты использования чужих территорий. Особенно это проявлялось в смежных с пахотными угодьями лесных плантациях, где вместе с вырубкой пытались наладить систему скрытой обработки полей.

Все это потребовало от удельной администрации принятия жестких финансовых санкций: в дополнение к существовавшему 12-рублевому штрафу за каждую засеянную десятину и возвращения произведенного урожая на чужой земле вводился новый штраф за неправильный севооборот — 6 руб. с десятины. При этом арендатору в последнем случае делалось снисхождение: за ним сохранялся весь урожай.

Были усилены требования и в отношении незаконного распахивания сенокосных полей арендаторами. Если в 70-80-х гг. такие нарушения приводили только к удалению непослушного арендатора с обрабатываемого участка, то теперь налагался крупный штраф — 25 руб. за каждую десятину покоса.

Сохранилось право удела не принимать претензии от съемщиков после заключения контракта. Но эта мера диктовалась исключительно экономическими соображениями, так как заставляла арендатора соотносить свои возможности с потребностями, внимательно изучать достоинства и недостатки земли, приучала его к разумному ведению хозяйства.

Был облегчен для съемщиков и пункт, по которому они могли теперь спокойно,

после окончания всех работ, в трехмесячный срок переехать и перевезти свое имущество (жилище, инвентарь, скот) без спешки. Данное изменение было направлено на ликвидацию беспорядков при смене земледельцев, когда новый съемщик не мог нормально приступить к работе. Эти временные рамки позволяли старому арендатору не спешить с отказом от арендного контракта, а все основательно продумать.

Арендаторам разрешалось теперь заводить фабрики, заводы, торговые заведения, производить добывание природных ископаемых, возводить каменные постройки. Особенно это касалось состоятельных съемщиков, поскольку, занимаясь другими работами, они поневоле способствовали созданию более широкой сети дорог, складов, сооружению колодцев, плотин, делая тем самым район земледелия более обустроенным и привлекательным.

Появились и новые обязанности арендаторов. Им вменялось, например, обрабатывать дополнительно еще 1/10 часть десятин от общей площади снятого участка и платить за них.

В вопросе содержания остального удельного имущества (например, мельниц) съемщик теперь обязан был в определенный срок ремонтировать эти объекты. Если же он не делал это вовремя, то удел ремонтировал объект за свой счет, но затем взыскивал израсходованные средства. Прежде чем заключить контракт, арендатору предоставлялось право внимательно осмотреть сооружения и, при своем согласии, подписать протокол, отметив выявленные неполадки. Таким образом, условия содержания были арендатору заранее известны. Кроме того, съемщик обязан был страховать имущество удела, и это было экономически оправданным решением, так как, во-первых, в строительство этого объекта он не вкладывал денежных средств, и, во-вторых, на удельной территории располагалась собственность арендатора (зерно, инвентарь); в-третьих, эта страховка дополнительно заставляла съемщика бережно относиться к чужим объектам.

Слабой стороной этого пункта было то, что арендатор должен был восстановить, даже если сам не был виновником происшествия, испорченные сооружения. Но учитывая моральную сторону дела, удел в случае пожара выдавал сумму, которая соответствовала оценке сгоревшего. Удел таким образом, даже если арендатор был виновен в случившемся, возвращал эти деньги, и арендатору не надо было вносить их.

Не отработан был вопрос и по праву выбора съемщиком страховать арендуемое имущество в частных компаниях. Здесь удел требовал осуществлять финансовые операции только в указанных им компаниях. Со временем выбор стал более свободным, хотя вся страховая премия переходила в собственность округов. Также съемщикам вменялось в обязанность охранять лесные пространства, входившие в его территорию. При этом в случае самовольной вырубке кем-либо арендатор обязан был уплатить третью часть стоимости срубленных деревьев при вывозе леса, вторую часть стоимости, если материал остался на месте или поврежден так, что к дальнейшему росту был не годен. Штрафы платились также в случае самовольной пастбы или сенокосения.

Если к съемщику кто-либо предъявлял территориальные претензии, то защиту арендатора на себя брало удельное ведомство. Гарантировалось, что при уменьшении арендуемой территории арендатор мог расторгнуть договор или потребовать уменьшения оброка. При этом от съемщика требовали только одного: незамедлительного сообщения о нарушении своих прав окружному надзирателю. Срок для такого оповещения был установлен достаточно длительный - шесть месяцев.

Вводилась еще одна смягчающая мера: если арендатор накапливал недоимки в размере полугодового оброка и более, то удел мог ограничиться наложением ареста на весь посеянный в этот период и сжатый хлеб. Ранее такая ситуация грозила съемщику полной потерей статьи.

В случаях же грубого невыполнения положений об аренде и если при этом обнаружится еще и задолженность по оброку, удел мог аннулировать контракт со съемщиком, заставив его расплатиться своим имуществом. При этом другим арендаторам (как правило, членам товарищества, в котором был нарушитель) его участок отдавался за низший оброк.

Условия удельного законодательства по арендным отношениям становились не раз предметом критики как со стороны самих арендаторов, так и со стороны земских комитетов по землепользованию. Суммируя основные жалобы, можно отметить главные моменты. Во-первых, съемщиков не удовлетворяло положение дел с сенокосными угодьями и пастбищами, которые в некоторых удельных имениях располагались в лесу, что отражалось в повышении цен, как это наблюдалось в селе Судосево Алатырского удельного округа или в селе Старой Рачейки Симбирского удельного округа<sup>7</sup>.

Во-вторых, шли частые претензии на арест в полях собранного хлеба. В Самарской губернии этот вопрос стал предметом специального разбирательства на экономическом совете при Самарской губернской управе, куда неоднократно по этому поводу приглашался управляющий Самарским удельным округом Д. Терлецкий, пытавшийся объяснить данные аресты прежде всего необходимостью навести порядок в финансовых обязательствах крестьян<sup>8</sup>.

Таким образом, анализ критического материала того периода позволяет признать, что основная юридическая сторона удельной аренды была более-менее приемлема экономическими условиями, старающаяся сохранить основной контингент съемщиков и привлечь дополнительные силы арендаторов.

Продолжением развития новых юридических отношений по вопросу прибыльности земельных статей стали циркуляры Главного управления Департамента уделов и окружных руководителей Самарского,

Симбирского и Алатырского удельных округов. В данных документах отразилась тенденция к более прагматичным отношениям с арендаторами, что объяснялось, с одной стороны, продолжающимся кризисом в сельскохозяйственном производстве, обострявшимся вдобавок серьезными природными катаклизмами (засухой, сильными морозами), с другой стороны. набирающей силу конкуренцией частных собственников. Все это заставляло местную удельную администрацию искать более разумные с экономической точки зрения пути выхода из той или иной возникшей проблемы.

Прежде всего отмечается компромиссная политика по отношению к арендаторам. Пытаясь поддержать, например, ту категорию съемщиков земли, которая рассчитывала иметь продолжительный срок аренды, удельные администрации округов предлагали строить для арендаторов хутора и устраивать при них запруды, рыть колодцы<sup>11</sup>. На эти запросы Департамент уделов, соглашаясь в принципе с местными органами, что процесс быстрой миграции арендаторов (так называемых посевищиков) необходимо сдерживать и недопускать забрасывания хозяйств, в то же время предостерегал от излишней поспешности, мотивируя это тем, что постройки могут не отвечать запросам арендаторов<sup>10</sup>. В целом удельной администрации давался совет тщательно проработать вопрос, особенно по линии финансирования. Впоследствии (начиная с 1893 г.) в Самарском удельном округе специальным циркуляром был дан приказ строить арендные поселки на 10 дворов и выдавать пособия на рытье колодцев. В Обшаровском имении, например, каждый арендатор получил по 300 руб."

Другим злободневным вопросом в арендных отношениях была проблема встречавшихся в многопольном переложном хозяйстве солонцеватости и каменистости почв, вызывающих смену залежных полей в нарушение установленных по контракту правил. В этой связи удельная администрация

требовала от управляющих удельных имений изъятия таких участков из севооборота и изменения чертежей при сдаче в аренду<sup>12</sup>.

Так как в тот период часто случались неурожайные годы, арендаторам разрешалось (при плохом состоянии их собственных выгонов) бесплатно пасти скот в удельных лесных дачах, при условии что о каждом случае по обращению за такой просьбой немедленно докладывалось в управление округом или конторой<sup>13</sup>.

Особо оговаривалось, что при сдаче участка под трехпольное хозяйство не обязательно делить его на три поля. Лишь одно условие должно было соблюдаться: чтобы чередование на этих полях производилось по трехпольному порядку севооборота. К тому же разрешался по необходимости и четырехпольный оборот, но при условии что арендатор будет помогать уделу косить сено и пасти скот<sup>14</sup>. Чуть позже (с 1893 г.) в отдельных случаях разрешалось посев яровых хлебов на озимых полях<sup>15</sup>.

По желанию заемщиков семянной ссуды с 1892 г. разрешалось принимать от них или доброкачественным (пуд за пуд) зерном, или деньгами по существующим в тот момент местным рыночным ценам в расчете рубль за рубль. При этом особо оговаривалось, что при успешной продаже зерна уделом может быть произведен зачет недоимок арендаторов за год из числа излишних сумм, а при неудаче распродажи - удел примет убыток на свой счет, не ущемляя права своих съемщиков. С 1898 г., помимо уплаты денег, разрешалось принимать зерно, но не по принципу «пуд за пуд», а на сумму выданного им обязательства<sup>16</sup>.

Разрешалось, ввиду невозможности крестьянами вывезти много хлеба с полей, заменять натуральный оброк денежным<sup>17</sup>. При желании сдачи своего участка в чужие руки разрешалось отдавать, но не более 1/3 части пахотных полей. Учитывались интересы арендаторов и при требовании с него денежного залога (в размере половины стоимости) за имеющееся на его поле сооружение: при неблагоприятном финан-

совом положении эту сумму со съемщика не брали<sup>18</sup>.

Ввиду повторяющихся неурожаев было разрешено (например, в 1898 г.) не взыскивать с арендаторов, пострадавших от природного бедствия, пени и не зачислять эти деньги в счет недоимки. Саму же недоимку позволялось рассрочить уплатой в следующие годы и взыскивать ее не равными частями, а в зависимости от урожая. Одновременно с этим удельные законы стали теперь гарантировать отсрочку недоимок тем съемщикам, которые взяли землю на один только год<sup>19</sup>.

Возросло требование к точному составлению контракта, по статьям которого планировалось избегать грубых нарушений арендатором своих обязанностей. В ходе проверки Самарского удельного имения летом 1891 г., например, было установлено, что при составлении кондиций отсутствовал пункт, согласно которому удельная администрация имела право предъявлять закладную к взысканию, если съемщик, имевший рассрочку платежа покупной суммы, хотя бы раз позволил себе не уплатить вовремя определенный ежегодный взнос<sup>20</sup>.

Особое внимание уделялось составлению планов юридического межевания, поскольку нарушения здесь вели к захвату удельного имущества посторонними земледельцами. В дальнейшем было установлено требование для управляющих имениями проверять чаще по чертежам и контрактам правильность хлебных посевов и при составлении штрафных актов тщательно указывать в случаях секвестра урожая количество хлеба, собранного сена, площади погибшего зерна<sup>21</sup>.

В условиях частых неурожаев и ложных обращений за помощью выдвигалось требование производить доскональный отбор земледельцев, которые больше всего пострадали от бедствия, при условии выяснения всех обстоятельств нищенского материального состояния, с указанием лесных дач, где они могли бы бесплатно пасти скот, и времени на такой выпас<sup>22</sup>. Катего-

рически запрещалось без определенных письменных запросов и ответов по линии удельной администрации сдавать участки под сенокосение, пашню, пастьбу<sup>23</sup>.

В деле создания хлебных складов циркуляры предписывали принимать в амбары только рожь, пшеницу (например, белотурку, египетку и русскую), овес, гречу. Это объяснялось затруднениями при сбыте зерна, сокращением расходов по найму, содержанию и страхованию излишних амбаров, а также спецификой основных зерновых культур по губерниям. Кроме того, особое внимание управляющим имениями и их приказчикам следовало уделить степени качества зерна: оно должно было быть сухим, хорошей очистки, добротным. В этом вопросе требовалось ежемесячно отсылать в округ партию мешочков весом от 2 до 3 фунтов каждого рода зерна на проведение экспертизы<sup>24</sup>.

Руководители складов обязаны были точно соблюдать порядок приема зерна: сперва - зерно в погашение выданных семянных ссуд; затем - в уплату недоимок; и, наконец, в уплату текущих арендных платежей. Это объяснялось тем, что склады и были созданы в первую очередь для распределения семенных займов ввиду денежных затруднений у арендаторов при покупке семян, что позволяло рассчитывать на качественный урожай, на определенные запасы в случае неурожая или улучшения торговли. Кроме того, тщательный отбор зерна диктовался необходимостью уменьшить накладные расходы, а также стремлением увеличить продажу зерна. Особо обращалось внимание на безопасное хранение продукции, для чего требовалось от приказчиков и смотрителей иметь постоянный надзор за состоянием влажности<sup>25</sup>. Заведующим складами вменялось также в обязанность активно подыскивать надежных оптовых и розничных покупателей. А чтобы процесс привлечения арендаторов к услугам складов пошел быстрее, окружные управления в своих посланиях требовали предоставления определенных льгот для съемщиков: например, им

разрешалось часть арестованного хлеба оставлять у себя, а в отдельных случаях отпускать бесплатно часть из арестованного хлеба на прокормление людей и животных<sup>26</sup>.

В области технологии земледелия циркуляры округов требовали обязательного удобрения земли навозом, а при посадках масличных культур в залежных землях строго соблюдать технологию высаживания льна (только когда поле поступит в залеж) и подсолнечника. Необходимо было также производить смену посевов (сажать корнеплоды, бобовые) и вводить травосеяние<sup>27</sup>.

В вопросе торгов арендными статьями удельная администрация указывала на необходимость избегать назначения торгов, если на них присутствуют покупатели, которые либо не обладают достаточной платежеспособностью, либо стремятся сдать удельные участки в субарендное пользование. Рекомендовалось также избегать сдачи аренды обществам крестьян в целом составе и образовывать из них товарищества, устраняя при этом тех людей, которые хозяйством по-настоящему не занимаются<sup>28</sup>.

Опыт проведения торгов лег в основу установления определенных «Кондиций», одобренных и утвержденных Главным управлением Департамента уделов, где при проведении торговых операций требовалась обязательная выплата залога до суммы, составляющей половину вновь вы-

данного на торгах годового оброка. И удельное ведомство имело право при нарушении этого условия обращать залог в свою собственность. Также не допускались арендаторы, которые ранее накопили недоимку свыше полугодового оклада по своим земельным статьям или оказались неисполненными в выполнении других контрактных обязательств. Но в отличие от «Условий» по аренде «Кондиции» разрешали съемщикам, заторговавшим статьи на сумму годового оброка в одну тысячу рублей, не имея разрешения Департамента уделов, а только согласие управляющего удельным округом, пользоваться статьей, но только один год<sup>29</sup>.

Изменив юридические правила в области арендных отношений, удельные власти сделали еще один шаг по пути преобразования своих хозяйств на капиталистический лад. Производственные отношения между уделами и арендаторами теперь выстраивались с учетом желаний обеих заинтересованных сторон. Это повлияло на привлечение дополнительного трудового потенциала арендаторов; на полное использование материальных ресурсов удельных хозяйств; на ослабление влияния конкурентов; на выстраивание правильной экономической политики, призванной восстановить рентабельность уделов и позволить им развиваться успешно, как того требовали условия пореформенного времени конца XIX в. - периода становления отечественного капитализма.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Савельев П. И. Пути аграрного капитализма в России XIX в. Самара, 1994. С. 164.

<sup>2</sup> История уделов за столетие их существования: 1797-1897 гг. СПб., 1902. Т. 3. С. 56.

<sup>1</sup> Там же.

<sup>4</sup> Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 318. Оп. 7. Д. 127. Л. 180б.

<sup>5</sup> Журналы экономического совета при Самарской губернской земской управе с 2 февраля 1895 г. по 17 января 1896 г. Самара, 1896. Вып. 1. С. 268-269.

<sup>6</sup> Сводный сборник статистических сведений по Самарской губернии за 1892 год. Самара, 1892. Т. 8. Вып. 1. С. 70.

<sup>7</sup> Хозяйственно-статистические сведения по Симбирской губернии за 1896 г. Симбирск, 1897. С. 13-21.

<sup>8</sup> Флексор Д. С. Аренда. СПб., 1893. С. 112.

<sup>9</sup> Тольяттинский государственный архив (ТГА). Ф. 39. Оп. 2. Д. 5. Л. 18.

<sup>III</sup> Там же. Л. 180б.

## ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

---

<sup>11</sup> Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 11. Л. 35.

<sup>12</sup> Там же. Л. 25об.

" Там же. Л. 19.

<sup>14</sup> Там же. Ф. 39. Оп. 2. Д. 5. Л. 1, 1об.

" Там же. Л. 4.

<sup>16</sup> Там же. Д. 6. Л. 1.

" Там же. Л. 35.

<sup>18</sup> Там же. Л. боб.

" Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.

<sup>20</sup> Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 43. Оп. 14. Д. 1047. Л. 5,37.

<sup>21</sup> ТГА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 12. Л. 22, 22об.

<sup>22</sup> Там же. Л. 19.

<sup>23</sup> Там же. Л. 2, 3.

<sup>24</sup> Там же. Ф. 39. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.

<sup>25</sup> Там же.

<sup>26</sup> Там же. Л. 22.

<sup>27</sup> Там же. Л. 30об.

<sup>28</sup> Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 11. Л. 18, 19.

<sup>29</sup> Там же.